

С. Б. Зайцева

ГОЛОС ТИШИНЫ

Поэзия и судьба Зинаиды Миркиной

Нынешнее состояние культуры, оторванность человека от собственной глубины, от чего-то главного в себе давно вызывает тревогу. В век скоростей и новых технологических возможностей культура выхолащивается, глубина человеческой души не востребована. Как этому противостоять? Состояние несуетности, внутреннего затишья — вот тот исток, что питал культуру — внутреннюю и внешнюю — ранее, питает и теперь. Но как его достичь? Нам зачастую некогда — да и зачем? — предаться созерцанию окружающей первоизданной красоты. Утихнуть перед ней. Вспомним слова Бориса Пастернака, с детства увлекавшегося музыкой и знавшего ее досконально, который сказал: «Тишина, ты лучшее из всего, что слышал...»

Умение слушать тишину — это большой дар. Умение выразить ее в словах, ничего при этом не утратив, — почти невозможно.

Не присмотреться ли к личности и творчеству человека, которому присущи оба эти дара? Который не только воспринимает и показывает, но и помогает читателю войти в эту тишину.

Меня учили вечности дерева.
Меня учили Богу облака.
Великий час безмолвья и безгнева,
Когда душа, как небо, глубока.
Не надо больше никакой награды —
Лишь только душу собери свою,
Ведь можно жить гораздо глубже ада
И очутиться невзначай в раю.

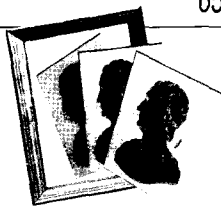
Эти слова не родились бы, не будь они глубоко прочувствованы. Живя «глубже ада», Зинаида Миркина сумела обрести внутреннюю тишину, «зерно покоя», которое породило и продолжает рождать удивительные в своей целостности и поэтической безукоризненности стихи.

Не тот, кто говорит со мной,
приносит мне благие вести,
а тот, кто словно дух лесной,
как свет, молчит со мною вместе.
Кто, позванный на тайный пир,
как чашу, разопьет со мною

молчанье глубиной в мир,
молчанье в сердце глубиной.

Поэзия – не гордый взлет,
а лишь неловкое старанье,
всегда неточный перевод
того бездонного молчанья.

человек ест животных, все люди доставляют друг другу страдания. И она сама не лучше: не может ответить на любовь и чувствует, какое приносит страдание.

Поток самообвинений все рос и рос. Спрашивала Зина только с себя, считала себя перед всеми виноватой. Жизнь становилась всё невыносимей. Потом она поймет, что как бы протирала душу, как бумагу ластиком, и дотерла до дырки. Душа стала сквозной, и в нее хлынул свет.

«Это был совершенно особый день. День кульминации боли. Казалось, еще немного и – сердце не выдержит. Это было на даче. Была гроза. А потом

Может показаться удивительным, что у человека из поколения, которое жило в советскую эпоху, появилась такая глубина восприятия и обращенность к «внутреннейшему». Это отличие поэзии Зинаиды Миркиной от идеологически ангажированной литературы советского времени отмечает, в частности, немецкий славист Вольфганг Казак. В книге «Лексикон русской литературы XX века» он пишет: «Сквозная тема творчества Миркиной – отношение человека к Богу, своему собственному духовному существованию...» [3, с. 263]. Заметьте, книга В. Казака вышла в 1996 году, когда стихи Зинаиды Александровны только-только начали публиковаться, но уже были замечены и отмечены профессором Кёльнского университета. До этого их уделом было – ложиться «в стол» или расхотиться в списках.

Где же исток такой поэзии, в корне отличающейся от официально признанной в Советском Союзе?

Зинаида Александровна Миркина родилась в 1926 году в Москве в семье коммунистов. Уже подростком она стала осознавать несоответствие идеологии и жизни. А став студенткой филологического факультета МГУ в первые послевоенные годы, задумывалась над проклятыми вопросами, которые мучили человечес-

З. А. Миркина

Живя «глубже ада», Зинаида Миркина сумела обрести внутреннюю тишину, «зерно покоя», которое породило и продолжает рождать удивительные в своей целостности и поэтической безукоризненности стихи

взошло солнце, и ешь, которая стоит перед балконом, – вся в каплях, в тысячах крупных дождевых капель, – вдруг вспыхнула тысячью солнц. Это было что-то непередаваемое. Потрясение. Душевный переворот. Когда несколько лет спустя я увидела икону Феофана Грека «Преображение», я почувствовала в опрокинутых, потерявших все прежние ориентиры апостолах – то самое, пережитое мной состояние. Свет, небывалый – сверхъестества – как будто проколол сердце насквозь и не убил, а пересоздал его. Прежде всего появилась полная уверенность, сверхразумная, вне всякой логики, что Творец этой красоты – совершенен... И хотя физические мои глаза не видели НИЧЕГО, кроме ослепительной красоты, внутренние мои глаза увидели Бога. И другим словом я этого не передам...» [6].

Июньский день. Листва искрится.
В пятнистых блёстках небосвод.
Душа сейчас поёт, как птица,
А птица, как душа, поёт.
Она у светлых чар во власти,
И ей неведом дней итог.
Куда ни глянешь – счастье, счастье!
Во что ни вслушаешься – Бог!

кие умы на протяжении веков. Весь мир представлялся ей сплошным страданием: животные едят друг друга,

«...Я увидела то, чего представить себе не могла, ибо этого не знала раньше душа. Новый облик, новый взгляд, новый строй чувств. Я почувствовала взгляд на себе, в котором была бесконечная любовь и покой в одно и то же время... И в этом взгляде, в этом новом внутреннем строе был ответ на все мои вопросы и на всю боль. Смысл мой не в том, чтобы удовлетворять мои желания, а в том, чтобы преображать их, — в той самой высоте, которую может достичь моя душа и всякая человеческая душа. На этой высоте рождается внутренний свет и всеобнимающая любовь...» [6].

С какой любовью мир творится!
Тварь Божья... Как ни назови —
цветок, дерева, зверь и птица —
мы все родимся из любви.

Как точно к цветку цвет подобран,
так, как моя душа к твоей...
Как терпеливо, как подробно
сплетается узор ветвей!..

...И кто сумеет хоть однажды
постичь всю эту красоту,
тот чувствует, что вздох наш каждый
и каждый волос на счету.

И появляется свобода,
с которой всякий труд — не труд,
с которой шествуют по водам
и на распятие идут.

И в пустоте уже не пусто,
и воскресенье во плоти
приходит, как шестое чувство,
как продолжение тех пяти...

И если есть еще тревога,
она о том, как бы во сне
и в мыслях не обидеть Бога,
предавшегося в руки мне.

Бог не вне нас, говорит поэт, не его карающая десница правит миром. Он — в основе всего, Он — внутренней, глубиннейшая наша основа.

«...Душа питается из внутреннего источника и находит в нем все для утоления своей жажды и голода. Весь мир в ней, и она раскрывает его для всех» [6].

Девушка увидела мир всецелым и поняла, что он кажется страшным и бессмысленным, когда видится дробно, по частям. Смысл не в каждой отдельной части, а в тайне всецелости.

Своим духовным опытом девятнадцатилетняя Зина хотела во что бы то ни стало поделиться с другими. И тут оказалось, что людям ничего этого не нужно. Это откры-

тие стало для нее невероятным ударом. Родные, любимые люди не могли и не хотели жить на такой высоте. Общение с Зиной стало им в тягость. Ей приходилось «запихивать под обычное платье развернувшиеся крылья». И организм не выдержал этого напряжения. На пятом курсе универ-

**Только тот переводчик, который
в своем духовном развитии достиг
той же глубины, что и автор,
может увидеть и воплотить
его поэтический мир**

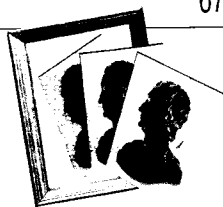
ситета девушку разбил паралич. Может быть, сказался перенесенный в подростковом возрасте менингит, голодные годы в тылу, где приходилось к тому же работать в поле в 50-градусную жару, — и вот теперь — огромное перенапряжение. После двух лет безнадежного лежания в больнице врачи сказали: девочка, конечно, умрет. И Зина просила перевезти ее домой, чтобы умереть дома. Еще три года она была прикована к постели. Это было время невероятных физических страданий, когда легче было умереть, чем жить. Но девушка чувствовала, что ее задание — смочь вынести эту муку. Это был ее крест, и от того, как она его вынесет, зависит что-то очень важное для всех.

И она его вынесла. Заново стала учиться ходить, вновь, после семилетнего перерыва, начала писать стихи. Она научилась, по ее выражению, «подныривать под болезнь», как подныривают в море под волну, жить, как обычные люди, хотя и по сей день заболевание дает о себе знать жестокими муками. Этот крест не оставил ее до сих пор.

А стихи рождались уже совсем другие, чем прежде. Они были отражением нового внутреннего состояния. Вначале были беспомощными, но постепенно крепло и мастерство.

Ничего, пойму когда-нибудь,
Почему так трудно и так больно,
Впереди большой, как небо, путь.
Неба много, времени довольно.
Ровно столько, сколько надо мне.
Ствол крыла косматые раскинул...
Ведь хватило времени сосне
Вырасти и прошуметь вершиной.
Все равно, сиянье или мрак —

Расстояние преодолимо,
Только внутрь идти за шагом шаг
Внутрь себя,
а не в обход иль мимо.
Тот, кто бросил семя в темноту,
Дал душе посильную задачу.
Вот и я до Бога достару,
Если только время не растрочу.

Тогда, в 50-х годах, да и в последующие десятилетия, о печатании таких стихов не могло быть и речи. Но Зинаиде удалось достать работу – поэтические переводы. Переводила Тагора, Рильке, арабских суфиев Ибн аль Фарид и Ибн Араби. Переводы последних вошли в том «Арабская поэзия средних веков» «Библиотеки всемирной литературы».

Когда Миркина среди горы подстрочников увидела тексты Ибн аль Фарид, они ее сильно взволновали, поскольку оказались очень глубокими. Она даже удивилась: неужели у нас такое могут опубликовать? Когда стала переводить, увидела, что подстрочник обрывается через две страницы. Обратилась к автору подстрочника – профессору-арабистке. Та недоуменно заинтересовалась, почему переводчица выбрала такого плохого поэта. «Я думаю совсем иначе», – возразила Зинаида Миркина и показала ей свое поэтическое переложение. Арабистка была удивлена, что она сама не разглядела этой красоты, и всем стала говорить, какой Ибн аль Фарид прекрасный поэт.

Только тот переводчик, который в своем духовном развитии достиг той же глубины, что и автор, может увидеть и воплотить его поэтический мир.

Ибн аль Фарид

Р. М. Рильке

Глаза поили душу
красотой...
О, мирозданья кубок золотой!

И я пьянел от сполоха огней,
От звона чаш и радости друзей.

Чтоб охмелеть, не надо мне вина –
Я напоен сверканьем допьяна.

Любовь моя, я лишь тобою пьян,
Весь мир расплылся, спрятался в туман,

Я сам исчез, и только ты одна
Моим глазам, глядящим внутрь, видна...

... Где я, там свет. Я жив в любви самой.
Любой влюбленный – друг вернейший мой,

Мой храбрый воин и моя рука,
И у Любви бесчисленны войска.

Но у Любви нет цели. Не убей
Свою Любовь, прицел наметив ей.

Она сама – вся цель своя и суть,
К себе самой вовнутрь ведущий путь.

А если нет, то в тот желанный миг,
Когда ты цели наконец достиг,

Любовь уйдет внезапно, как порыв,
Слияние в разлуку превратив...

... Для любящих – племен и званий нет.
Влюбленный ближе к небу, чем аскет

И чем мудрец, что, знаньем нагружен,
Хранит ревниво груз былых времен.

Сними с него его бесценный хлам,
И он немного будет весить сам.

Ты не ему наследуешь. Ты сын
Того, кто знанье черпал из глубин

И в тайники ума не прятал кладь,
А всех сзывал, чтобы ее раздать...

(Фрагменты «Большой касиды» («Глаза поили душу красотой...») Ибн аль Фариды [2])

Райнер
Эрпх Мария Рильке – поэт, наиболее близкий Зинаиде Миркиной. В своей книге «Невидимый собор» (Москва, Санкт-Петербург, 1999), посвященной Рильке и Марине Цветаевой и собравшей все переводы Миркиной «из Рильке», она пишет: «Между

истинным художником и святым Рильке ставит знак равенства, поднимая значение художника на предельную высоту... И святой, и художник должен поднять душу до Безграничной Действительности...» [5, с. 34]. «... Восполнившееся сердце самым своим существованием помогает другим сердцам восполниться. Однако «каждый восполниться должен сам...» Никакая встреча

во внешнем мире не заменит встречи с самим собой...»
[5, с. 51].

... Боги сперва нас обманно влекут к полу другому,
как две половинки в единство,
но каждый восполниться должен сам, дорастая,
как месяц ущербный, до полнолуния.
И к полноте бытия приведет
лишь одиноко прочерченный путь
через бессонный простор.

(Фрагмент «Элегии к Марине» Э. М. Рильке
[5, с. 93])

Для Зинаиды Миркиной это были не просто слова, а опыт ее собственной души. Тогда, после открывшегося ей в 19 лет «фаворского» света, душа стала всецелой, ей не нужен был кто-то другой, чтобы обрести счастье. Зинаида думала, что проживет жизнь одна, потому что не встречала никого, кто бы жил на такой же глубине. Но однажды...

Летом 1960 года к ней на дачу привезли Григория Померанца (впоследствии известного философа и культуролога), который собирал стихи для журнала «Синтаксис» — антологии непечатаемой поэзии. Григорий попросил почитать стихи, а затем просил читать еще и еще.

Никто прежде так ее не слушал. Эти стихи оказались для него необходимы. Он незадолго до этого потерял горячо любимую жену (умерла на операционном столе) и не мог примириться с постигшим его несчастьем, понять Бога, который допускает такое. И вдруг в стихах незнакомой молодой женщины предстало совершенно другое видение:

Бог кричал.
В воздухеплыли
Звуки страшней, чем в тяжелом сне.
Бога ударили по тонкой жиле,
По руке или даже по глазу — по мне...

«Первое ее стихотворение, которое я услышал, «Бог кричал», произвело на меня огромное впечатление, — вспоминал впоследствии Григорий Померанец. — Бог в этих стихах страдает вместе со всеми, кто страдает, с каждой страдающей тварью... Бог представлял как соучастник моего страдания, а я как соучастник Его вечности и Его творческой силы...» [1].

А заканчивалось стихотворение так:
Он всемогущ. Он болезнь оборот —

Вызволит из огня
Душу мою или, взыв от боли,
Он отсечет меня.
Пусть. Лишь бы Сам, лишь бы смысл Вселенной,
Бредя, не сник в жару...
Нет! Никогда не умрет Нетленный —
Я за Него умру.

Григорий понял, что Зинаида «продвинулась дальше него» и безоговорочно принял «ее религию». Эта встреча оказалась необыкновенно плодотворной для них обоих. Поженившись, они стали опорой друг другу не только своей любовью и взаимопониманием. Зинаида выжила и живет до сих пор фактически благодаря его поддержке. А причащение к ее взгляду на мир помогло ему раскрыть в себе мощную творческую струю: одно за другим пошли философские эссе, а затем и книги: «Открытость бездне. Встречи с Достоевским», «Выход из транса», «Записки гадкого утенка», «Дороги духа и зигзаги истории» и многие другие, часть из которых («Великие религии мира», «В тени Вавилонской башни», «Невидимый противовес») были написаны совместно с З. А. Миркиной.

Григорий Померанец.
Конец 60-х годов

В начале 1970-х годов с ними познакомился и вскоре подружился поэт Борис Чичибабин. Это была не просто дружба. В своем эссе «Мысли о главном» Борис Алексеевич называет Зинаиду Миркину и Григория Померанца своими духовными вожатыми. Во время нечастых наездов Чичибабина и его жены Лили в Москву две пары подолгу беседовали, слушали стихи Зинаиды и Бориса. «Величайшим счастьем моей жизни были их беседы... — писал Борис Алексеевич. — ...Таким же счастьем было слушать Зинины стихи... Это было вроде Давидовой Псалтыри или, еще лучше, единой непрерывной

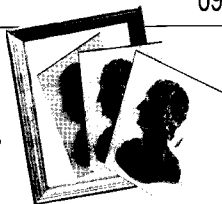
молитвы со множеством разветвлений и вариаций... Это было похоже на чудо, в моем представлении так творили Микеланджело, Бах, Моцарт — великие гении и послушные «Божьи ремесленники»...» [9, с. 7–8].

Касание снега, дыханье мороза,
Березы, березы, березы, березы...
Березы и сосны, березы и ели.
Кусты забелели, синицы запели.

Стволы окружали, стволы закружили, —
Затерянность в дали, затерянность в были...
Пропасть, затеряться... Потеря дороги,
Потеря стремлений, потеря тревоги,

Потеря заботы и той постоянной
Сосушей, зовущей и ноющей раны.

Потеря обиды, потеря досады,
Потеря всех «должно», «обязана»,
«надо»...

Другая страна ли, планета другая?
Душа, как праматерь, гуляет нагая.
И Бог по соседству, но дьявола нету,
И нету соблазна, и нету запрета.

И нету змеиною страшного знания, –
Потеря седин и потеря страдания.
И тишь неземная, и хор стололосый.
Потеря ответа, потеря вопроса...

Сплетенные ветки –
сплянные лица. –
Потеря стены и потеря границы.
Как будто изгнанницу вновь
возвращают
В забытые кущи родимого рая.

Распахнуто сердце,
как райские двери.
Изгнание изгнания! Потеря потери!

В промежутках между посещениями Москвы шла интенсивная переписка. В одном из писем поэт признавался: «Я полюбил вас так, как давно никого не любил, мысленно все это время разговаривая с вами... После встречи с Лилей и нашей любви... встреча с вами была самым значительным событием моей жизни...» [10, с. 21].

А вот выдержка из другого письма: «С тех пор, как мы с Лилей прочитали Ваши стихи... нам стало казаться странным и страшным, как могут люди жить на свете, заниматься своими делами, говорить какие-то фразы о поэзии – и ничего не знать о таких стихах, когда они есть, когда рядом, в одно время с ними живет огромный, великий и никому не известный поэт. Я ничего не преувеличиваю, потому что в литературе, в поэзии, где, мне кажется, кое-что понимаю, не склонен преувеличивать... Ваши стихи потрясли и покорили нас (очень банальные слова, но в данном случае точные слова) полным, небывалым даже для русской поэзии, совпадением значимости и звучности, глубины и совершенства» [10, с. 59–60].

Сверкнула береза. Задела рябина
Высокой сосны золотую струну.
Собрать свою душу, собрать воедино,
Как корни и ветки собрались в сосну.
На зелени – желтые, красные пятна,
На медных столбах – ярко-синий навес.
Собрать свою душу – собрать необъятность,

Как свет и стволы собираются в лес.
Призыв к воскресенью, прекрасный и строгий...
Единства воскресшего грянувший хор.
Собрать свою душу – собрать ее в Бога,
Как камни и блески собрались в собор.

Стихи «великого и никому не известного поэта» были нужны многим. Их переписывали и распространяли в списках. Списки попадали далеко за пределы Москвы. Но изданными они смогли стать очень нескоро – только во время перестройки, когда рухнули прежние запреты, а метод соцреализма, отрицающий не только Бога, но и любые отклонения от плоского мышления в координатах «партия (и ее лидер) – народ (по преимуществу абстрактный)», рухнул, как картонный домик.

С начала 1990-х годов появились первые ласточки – книги «Святая святых», «Потеря потери», «Зерно покоя». Стихи Зинаиды Миркиной – тот редкий случай, когда они стала издаваться благодаря читателям. Первое такое издание, осуществленное горячим поклонником, вышло в Алма-Ате в 1990 году. В дальнейшем таким же образом увидели свет и другие

книги. Имена людей, при финансовой поддержке которых они появились, мы узнаем из слов благодарности

Б.А. и Л.С. Чичибабины.
Середина 70-х годов

**В начале 1970-х годов
с Померанцем и Миркиной
познакомился и вскоре подружился
поэт Борис Чичибабин. Это была
не просто дружба. В своем эссе
«Мысли о главном»
Борис Алексеевич называет
их своими духовными вождями**

на первых страницах этих изданий. Один из таких почитателей, спонсировавший не одну книгу Зинаиды Миркиной, – Александр Хабинский пишет в предис-

З и н е

Душа родная, человек живой,
пророк господень с незлосбивым взглядом,
даривший нас миролюбивым лагуном,
смирением дум и звуком тишиной,

друг на земле и в ветвистых сестрах, —
есть вы болящие, есть мы от вас долече,
но с нами — ваши письма, наши встречи,
стихи в лесу у вашего костра.

Не вы ли нам открыли свет гласом,
что есть во всех, но лишь немногим ведем,
и озарили тем блаженным светом
искус и мрак безжизненных годин?

Не вы ли нам твердили о Творце,
о правоте его сскитной Власти,
что нам нести без ропота и боли
и, еверясь Его, не думать о конце?

Не вы ль учили: светил Духа путь,
лишь тропы плести путники и зыбки,
и скорей нет в зыбленье горней скрипки,
но звонче зов и ласкательнее суть?

Спасибо вам за то, что с той поры
и нашим сном светлее и свободней,
за смысл и тайну Слова неведомей,
за все, за все исключение дари,

за негасимый праздник Возжества, —
о сколько душ он выросил и поднял, —
за крестный путь, за каждодневный подвиг,
за крепкий жер и лихие слова.

Зачем же вдруг, склонив на глас тины,
о бедный друг, в твое горестное застенье,
устав от мук, вы стерли к себе зовенье,
забыв свои бессмертные песали?

Зачем вы вдруг поинкли головод,
прости всему и замолчали миру,
из рук роняя творческие струи,
душа родная, человек живой?

Но не уменьшит славащая песнь,
а нам дай Бог не упустишь ни звонка
из песни твоей, что Вечности — разлука?
Что Духу — смерть? Что Сущности — болезнь?

Но если это нужно так Ему,
пусть вашу ей моль заметит участие
и вам оставит свет, восторг, летучесть,
а мне даст тяжесть, тернии и тьму.

О дай мне Бог не долге бить в долгу,
среди дрябл и чар, в одежде лжищев Духа.
Дай Бог вам сил, и радости, и слуха.
Так и молось и лучше не могу.

Автограф стихотворения Б. Чичибабина

ловии к книге «Мои затишья»: «Эти стихи дают вертикальное измерение каждому мигу... В них — отражение всей мировой культуры, особенно духовной, но для восприятия они этой культуры предварительно не требуют, ибо отражают не культуру, а источник, которым она светится. Каждым стихотворением можно воспользоваться, как воздушным шариком, чтобы полететь в нужную сторону; чтобы вознестись на столько секунд, сколько хватит духу. При этом они негромки, как Дух. Есть люди, любители поэзии, которым они ничего не говорят, даже раздражают. Такие любят «новое». Есть поэзия, которая хочет по-новому сказать о старом и всем известном. А тут поэзия другого измерения: она говорит о почти неизвестном — в этом ее новизна» [4]. Для многих она стала открытием. В ней присутствует редкий сплав глубочайшего содержания и совершенной формы. К ней припадаешь, как к роднику.

Есть линии, диктующие нам,
Как надо жить. И тайные законы
Я узнаю по веткам и стволам,
Прослеживаю по корням и кронам.
И в час, когда тяжёлый узел дней
Уже обвился возле горловины,
Я погружаюсь в лабиринт ветвей,
Распутывая судьбы и причины.
С терпением незабываемой сосны
И с чуткостью трепещущей берёзы
Я расплетаю жалобы и сны,
Разматываю страхи и угрозы.
И вот уже последняя черта
Расправлена на заводи зеркальной,
И остаётся только высота
И чистота того, что изначально.

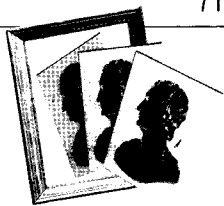
Душа, «протертая до дырки», не заслоняет собой люющего света, она прозрачна и может передать слово, надиктованное сосной, нащептанное морем, не высказанное скалой, — во всём слышит она «слово из Господних уст»:

Осенний лес горел, как Божий глаз.
А слово было золотым обвалом.
Все десять заповедей мне сейчас
склонившаяся ветка диктовала...

Только полное внутреннее затишье позволяет услышать и рост семени в почве, и перекличку звезд, и зарождение самой жизни:

Когда доходит до нуля
Весь шум и, может быть, все время,
Я слышу, как плывет земля
И в почве прорастает семя.
И, обнимая небосвод
Крылами неподвижной птицы,

Душа следит, как лес растет
И в недрах смерти жизнь творится.
Я осязаю ни-че-го.
И все. Ни мало и ни много –
Очами сердца своего
Я молча созерцаю Бога.

Стихи льются естественно, как естественно в небе парит птица, не задумываясь о механике своего полета и не выписывая никаких замысловатых фигур на публику. Они просты, но сколько открывается за этой простотой!

Литературовед Эмиль Сокольский в статье «Неуходящий свет Зинаиды Миркиной» пишет: «У нее нет системы сложных образов, как у Ольги Седаковой, она не пользуется сверхдлинной строфой, как Олеся Николаева, избегает цветаевской порывистости, что заметно у Марии Аввакумовой, не увлекается верлибром, где строки могут быть сколь угодно растянуты, что в последнее время характерно для Константина Кравцова; язык прост, мысль и вправду предельно ясна. Стихи – будто и ни для кого. Они – для птиц, для травы, для деревьев, для моря, для неба... Однако важнее то, что у стиха Миркиной, строго организованного ритмически, безукоризненная чистота тона; стих вполне соответствует тому глубинному чувству, которым поэт живет, которое для поэта – воздух, единственный способ, единственное условие существования... В тишине стихов Миркиной, тишине, которая не наступает, но – растет, набирает высоту, нарастает, – в продлении молчания (когда понимаешь, что ничего важнее, святее безмолвия быть не может), – сила их воздействия...» [8].

Тишина животворяща. Чем полнее тишина, тем скорее насыщается она Божьим присутствием.

И разрасталась т и ш и н а.
Сперва была размером с крону
Берез, и вот – горе равна
И небу над вечерним склоном.

Так где и в чем ее итог?
В чем тайна света на закате?
И если Слово – это Бог,
То т и ш и н а есть Богоматерь.

.....
Благословенна т и ш и н а
Высот бледнеющих и ширей.
Ты Бога выносить должна
В моей душе и в этом мире.

Зинаида Миркина убеждена, что души, возраставшие в себе тишину, могут помочь Всевышнему созидать и хранить этот мир:

Сюда не доносятся стоны.
Здесь тишь и простор неизменны.
От наших забот отрешенный
Включается в мысли Вселенной.

И древний огонь мирозданья
Затем лишь еще не потушен,
Что дали обеты молчанья
Высокие, вещие души.

И кто-то следит неустанно
За внутренним тайным гореньем,
И ввысь воздымает осанну,
Как в пламя бросает поленья.

И кровью истекшее сердце
Ликует от мысли блаженной,
Что можно помочь Мiroдержцу
Удерживать тяжесть Вселенной.

Поэт видит в этом свою задачу, а своим творчеством помогает и нам, читателям, открыть в себе «новое неведомое зреньё», прикоснуться к тайне бытия. На таком уровне существования не важны не только материальные ценности, но и утечи нашего эго – слава и признание. Душа наполнена другим.

Есть сокровенное познание,
Сердечное, иное зреньё.
В котором уровень молчанья
Есть уровень проникновенья.
Есть умолкание такое,
В котором нас совсем не слышно.
И этот океан покоя
Заполнит всем Собой Всевышний.

На таком уровне приходят к единому знаменателю все религиозные конфессии, ибо, как сказано в книге Г. Померанца и З. Миркиной «Великие религии мира»,

«глубинное ядро каждой религии ближе к глубинному ядру другой мировой религии, чем к своей собственной периферии» [7, с. 195–196].

И я уже не знаю ничего.
Я – чистый лист, я – белая страница.
И только от Дыханья Твоего
Здесь может буква зыбкая явиться.
Да, Ты ее напишешь и сотрешь,

И это – высший строй,
а не разруха,
Ведь есть всего одна
на свете ложь:
Упорство буквы
перед властью Духа.

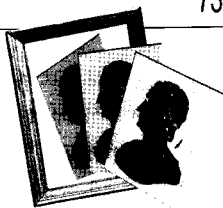
З. А. Миркина и Г. С. Померанц, 1998 г.

«Не нужен Богу наш словесный бой», – утверждает поэт. Не нужны ни личная правота, ни узкая мерка «я», но «мера неба и морей», «нарастание бытия, отмирание всех словес» – и тогда в безмолвии собственной души человек постигает Бога:

Восполненность жизни и мера покоя –
Всем вихрям вселенским порог –
Вот в чем Твоя сущность, вот что Ты такое,
Мой непостигаемый Бог.

Восполненность жизни и этот великий,
Как небо над нами, покой.

Вот то, что в Твоем
отпечаталось лике
И в зеркале глади морской.

И вот она – цель всех земных
пилигримов –
Покой, заглушающий гром.
Почувствовать жизни покой нерушимый
Как сердца единственный дом.

И в нем не бывает ни рано, ни поздно.
Кто Дом этот вечный найдет,
Тот держится в Боге, как держатся звезды, –
В середине небесных пустот.

За два десятилетия, последовавших после нескольких десятилетий «непечатания», у Зинаиды Миркиной вышло 14 поэтических книг. «Я сейчас, как синица малая с ее песнею нескончаемой». В чем секрет такого половодья стихов? Рабиндранат Тагор говорил о себе по этому поводу: «Я погрузил сосуд моего сердца в молчание этого часа, и он наполнился песнями». У Зинаиды Александровны есть на это стихотворный ответ:

Пишу я мало или много
Стихов – заботиться не мне.
Мне б – только вглубь нырнуть, до Бога,
А там – что жемчуга на дне.
Мне – только бы в простор, в пустыню,
Где дух расправится, паря.
А там – что звезд в небесной сини
Иль волн, когда гудят моря.

И, что есть ее стихи, не определить лучше, чем она сама, провидев и записав такие строки:

Есть в хаосе просвет миропорядка,
Теченье Духа – тайная струя.
И каждый стих мой – новая разгадка
Загадочного смысла бытия.
И чем она внезапней, чем случайней,
Тем достоверней вечные черты.
Ведь каждый стих – прикосновенье к тайне,
Её свеченье в недрах темноты.

Остается добавить для полноты картины, что, помимо стихотворных сборников, книг, написанных совместно с Григорием Померанцем, статей и рецензий, Зинаида Миркина издала книгу прозы (повесть «Озеро Сариклен») и четыре книги сказок. Сказки рождались «у елки». Об этих елочных действиях с большой теплотой рассказал в своих «Мыслях о главном» Борис Чичибабин [9, с. 8]. Более десятка лет и до последнего времени Григорий Померанц и Зинаида Миркина проводили духовные семинары в Музее меценатов в Москве. Лекции, прочитанные ими на семинарах, собраны в книге «Невидимый противовес» (М., 2005); готовится ее дополненное переиздание. Появился ряд документальных фильмов, вышло много телепередач с их участием (в циклах «Беседы с мудрецами», «Суть и присутствие» и другие). Проявлением международного признания явилась премия Бьёрнстjerne Бьёрнсона, классика норвежской литературы. Г. С. Померанц и З. А. Миркина стали первыми лауреатами из России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Диалоги на глубине: Кристиан Эгге беседует с Григорием Померанцем // Вестн. Европы. – 2004. – № 12. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/vestnik/2004/12/dial18.html>. – Заглавие с экрана.
2. Ибн аль Фарид. «Глаза поили душу красотой...» / Ибн аль Фарид; пер. З. Миркиной // Арабская поэзия средних веков / вступ. ст. Камиля Яшена; сост., послесл. и примеч. И. Фильштинского. – М., 1975. – С. 520–542. – (Библиотека всемирной литературы. Сер. 1; т. 20).
3. Казак В. Лексикон русской литературы XX века / Вольфганг Казак; пер. с нем. Е. Варгафтик, И. Бурихина. – М.: Культура, 1996. – 492 с.
4. Миркина З. Мои затишья: избранные стихи. 1994–1998 / Зинаида Миркина; предисл. А. Хабинского. – СПб.: Унив. кн., 1999. – 255 с.
5. Миркина З. Невидимый собор: О Рильке. Из Рильке. О Цветаевой. Святая святых / З. Миркина. – СПб.: Унив. кн., 1999. – 271 с.
6. Миркина З. Очерк моей жизни / Зинаида Миркина // Григорий Померанц и Зинаида Миркина: [персональный сайт]. – Режим доступа : <http://www.pomeranz.ru/m/index.html>. – Заглавие с экрана.
7. Померанц Г. С. Великие религии мира / Г. С. Померанц, З. А. Миркина. – 3-е изд., испр. – М.: Изд. дом Междунар. ун-та в Москве, 2006. – 256 с.: илл. – (Сер. «Humanitas»).
8. Сокольский Э. Неходящий свет Зинаиды Миркиной / Эмиль Сокольский // Зинзивер. – 2011. – № 4 (24). – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/zin/2011/4>. – Заглавие с экрана.
9. Чичибабин Б. А. Мысли о главном / Б. А. Чичибабин // Борис Чичибабин в стихах и прозе. – Х., 1993. – С. 5–23.
10. Чичибабин Б. А. Письма / Борис Чичибабин. – Х.: Фолио, 2002. – 462 с.